

Эрнест Сетон-Томпсон

Зверь

Билли Бэдлэндс, волк-победитель

Этот рассказ, написанный в 1905 г., никогда прежде не переводился на русский язык, но знатоки и любители Сетона-Томпсона могут заметить, что в определенном смысле он является продолжением хорошо известного рассказа «Снап: история бультерьера». Во всяком случае, фамилия владельцев ранчо, вынужденных использовать собачьи своры для защиты своего скота от волков, — та же самая. И своры эти теперь включают бультерьеров, что до подвига Снапа было немыслимо.

Но есть ли реальный прототип у волка Билли — такой, какой был у Лобо и Виннипегского волка? «Волк с горы Сентинел» действительно существовал, на момент публикации рассказа он оставался непоиманным, но этот зверь вовсе не был овейн ореолом столь грозной славы. Гораздо больше для этой роли подходят два знаменитых волка из штата Южная Дакота. Волк округа Кастер оставался неуловимым почти десять лет (причем в поле зрения охотников и скотоводов он попал уже матерым самцом, четырех-пяти лет от роду), нанес

ущерб, который в пересчете на современные деньги превышает триста тысяч долларов, и заслужил у местных жителей репутацию «монстра»: многие были всерьез уверены, что он представлял собой гибрид между обычным волком и горным львом, то есть пумой. Оставшись единственным после уничтожения его стаи, он долго водил за нос многих опытейших охотников — и пал жертвой только специально отправленного по его следу федерального агента: охотника поистине сверхопытного, который действительно получил от правительства распоряжение не прекращать преследование до тех пор, пока «монстр» жив. Причем Кастерский волк бросил вызов не только людям, но и времени: обычные волки редко живут дольше десяти-двенадцати лет и к этому возрасту почти полностью стачивают зубы, но у него сохранился настолько совершенный оскал, что, по словам изумленного победителя, «хотя этот зверь прожил четырнадцать-пятнадцать лет, он явно мог разбойничать еще столько же!»

Еще более подходит к рассказу биография знаменитого Трехпалого из округа Хардинг. Этот огромный зверь, некогда потерявший один палец в капкане, а потому легко опознаваемый по следам, прожил не менее двадцати лет, и тринадцать из них обладал печальной известностью как непревзойденный убийца скота. Нанесенный им

ущерб, по современным оценкам, приближается к миллиону долларов, а количество охотников, бесплодно пытавшихся добыть его, превышает полторы сотни. В конце концов он, как и его «товарищ» из Кастера, одряхлев, был побежден посланным правительством суперпрофессионалом. Трехпалый угодил в хитроумную ловушку живым, и уважение к столь выдающемуся противнику оказалось до такой степени велико, что власти штата распорядились доставить его в зоопарк. Но старый волк умер в пути — умер свободным...

Да, об этих волках Сетон-Томпсон знал и упоминал их в своих работах: позже, через много лет после того, как написал рассказ «Билли Бэдлэндс». Ведь волк из Кастера вершил свои кровавые подвиги в 1911–1920 гг., а Трехпалый — и вовсе в 1912–1925 гг. Так что в данном случае смело можно сказать: рассказ Сетона-Томпсона не списан с действительности, наоборот — это действительность подражала ему!

I. Ночной вой

Знаете ли вы три знака, которые подают охотящиеся волки? Это низкий протяжный вой, зов, означающий, что добыча найдена, но слишком сильна, чтобы нашедший мог справиться с ней в одиночку; звонкое и нарастающее завывание стаи,

идушей по свежему следу; и пронзительный лай с подвыванием, самый короткий из всех, но звучащий как смертный приговор: это сигнал «Окружаем!» — и это конец.

Мы ехали верхом через холмы Бэдлэнда¹, Кинг и я, со сворой разномастных охотничьих собак, тянувшихся позади или рысивших рядом. Солнце уже исчезло с небосвода, и кроваво-красная полоса обозначала то место, где оно закатилось, далеко за горой Сентинел. Холмы терялись в сумерках, долины накрыла темнота, когда совсем близко во мраке раздался раскатистый протяжный вой, подспудно знакомый каждому. Мелодичный, но с той интонацией, от которой дрожь проходит по позвоночнику, хотя сейчас в ней уже нет угрозы человеку. Мы прислушались на мгновение. Кинг первым нарушил молчание: «Билли Бэдлэндс. Вот это голос, верно? Он сегодня готов поохотиться».

¹ Бэдлэнд — сильно пересеченная местность, где невозможна хозяйственная деятельность: плохие, «дурные» земли. В США есть несколько регионов с подобным названием, в частности национальный парк Бэдлэндс в Южной Дакоте. Также в США есть несколько гор Сентинел, но совсем в другой местности. (Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.)

II. Древние времена

В прежние дни волки следовали за стадами бизонов, охотясь на слабых, больных и раненых. Когда бизоны были истреблены, волкам стало тяжело добывать пропитание, но затем место бизонов заняли коровы, решив проблему. Так началась война с волками. Скотоводы обещали награду за каждого убитого волка, и любой безработный ковбой таскал с собой капканы и яд для волков. Самые искусные сделали это своей профессией и превратились в охотников на волков. Кинг Райдер был одним из них: тихий вежливый парень с пронизательным взглядом и пониманием животных, дававшим ему особую власть над лошадьми и собаками, а также медведями и волками, хотя в последних двух случаях это скорее была способность предположить, где они находятся и как их поймать. Он охотился на волков много лет и крайне удивил меня, сказав, что за все это время ни разу не слышал, чтобы серый волк напал на человека.

Мы часто разговаривали с Кингом, сидя у походного костра, пока остальные спали, и тогда я узнал от него о Билли Бэдлэндсе. «Я видел его шесть раз, и, бьюсь об заклад, седьмой станет для него воскресеньем. Тогда он уйдет на покой». Так, на той самой земле, где все это происходило, под

шелест ветра и тьяканье койотов, иногда прерываемое протяжным воем самого героя рассказа, я услышал часть истории, которая вместе с остальными, собранными мною из разных источников, стала основой для повести о Большом Черном Волке из Сентинел Бьютт.

III. В каньоне

Давным-давно, весной девяносто второго, охотник на волков промышлял на восточном склоне горы Сентинел, которая долго была главным ориентиром для старых жителей равнин. Майский мех ценился не очень высоко, зато за убитых волков платили хорошо: пять долларов за голову, и вдвое больше, если это была волчица. Однажды утром, спустившись к ручью, охотник увидел волка, пришедшего на водопой на другом берегу. Охотник без труда застрелил его, а после обнаружил, что это была кормящая волчица. Несомненно, ее семья пряталась где-то поблизости, и он провел два или три дня, обыскивая все подходящие места, но не нашел ни следа логова.

Две недели спустя, проезжая по соседнему каньону, охотник увидел волка, вылезающего из норы. Взлетела винтовка, которую он всегда держал наготове, и еще один десятидолларовый скаल्प добавился к его связке. В этот раз охотник раскопал логово и обнаружил весьма удивительный помет,

состоявший не из пяти или шести волчат, как обычно, но из одиннадцати. Причем щенки отличались по размеру: пятеро больше и старше, чем остальные шесть. То были две разные семьи с одной матерью, и, когда охотник добавил их скальпы к связке своих трофеев, он догадался: одна из них была семьей волчицы, которую он убил две недели назад. Ясное дело: малыши, дожидаясь матери, которой не суждено было вернуться, скулили от голода все громче и жалобнее, и другая волчица слышала их, проходя мимо. Сердце ее смягчилось — не так давно родились ее собственные детеныши, — и она позаботилась о сиротах, перенесла их в свое логово, кормила двойной помет, пока выстрел не прервал эту трогательную историю.

Не единожды случалось так, что, разрыв логово, охотники ничего не находили. Старые волки, а может, и сами щенки часто выкапывают маленькие боковые карманы и ходы и прячутся в них в случае нападения. Осыпаящаяся земля скрывает небольшие ходы, и так волчатам удается спастись. Уходя прочь со свежими скальпами, охотник не знал, что самый большой из щенков остался в логове, более того, просидел там, спрятавшись, еще около двух часов — нельзя было поступить мудрее. Три часа спустя солнце село, и в глубине норы послышался шорох; сначала из

мягкой песчаной кучи у одной из стен логова показались две маленькие серые лапы, а затем крошечный черный нос. Наконец волчонок выбрался из своего укрытия. Нападение на логово напугало его, теперь же он был озадачен тем, как оно выглядело.

Логово стало раза в три больше, чем раньше, и открытым сверху. Лежащие вокруг штуки пахли как его братья и сестры, но теперь в них было что-то отталкивающее. Страх переполнил щенка, стоило ему принюхаться к ним, и он бросился в заросли травы, когда сова пронеслась над его головой. Щенок просидел в траве всю ночь, сжавшись в комок. Он не осмеливался приблизиться к логову и не знал, куда еще можно пойти. На следующее утро, когда два стервятника набросились на лежащие у логова тела, щенок помчался прочь, ища лучшего убежища среди зарослей травы, и ущелье привело его к широкой равнине. Большая старая волчица, такая же, как его мать, но все же другая, незнакомая, неожиданно возникла из зарослей, и, повинувшись инстинктам, щенок упал навзничь, когда она прыгнула на него. Без сомнения, она приняла щенка за свою законную добычу, но запах расставил все по своим местам. Волчица на мгновение застыла над щенком. Он лежал кверху брюхом у ее ног. Порыв убить его или хотя бы задать ему трепку прошел. Волчица

чувствовала запах маленького существа. Ее собственные детеныши были такого же возраста, ее сердце дрогнуло, и, когда щенок, набравшись храбрости, поднял нос и обнюхал ее, волчица не стала демонстрировать злость, если не считать короткого равнодушного рычания. Щенок же, в свою очередь, учуял то, в чем так отчаянно нуждался. Он не ел со вчерашнего дня, и когда волчица развернулась, чтобы уйти, щенок поспешил за ней, неуклюже перебирая лапками. Будь волчица далеко от дома, он быстро отстал бы, но ее логово находилось в ближайшей низине, и щенок добрался туда вскоре после нее.

Незнакомец — это враг, и волчица бросилась на защиту, вновь столкнулась со щенком и вновь остановилась, реагируя на то, что пробуждалось внутри нее в ответ на его запах. Щенок упал на спину, приняв позу полного подчинения, но это не помешало его носу почувствовать, что вкусная еда совсем рядом. Волчица возвратилась в логово и свернулась вокруг своего выводка, а щенок упорно последовал за ней. Она зарычала, когда он приблизился к ее детенышам, но его покорность и младенческий запах, как и прежде, обезоружили ее. Вскоре он очутился среди ее собственных щенков, добиваясь столь желанной пищи, и таким образом сам сделал себя частью ее семьи. Спустя несколько дней щенок полностью сроднился с остальными, и

волчица забыла о том, что он чужак. И все же он во многом отличался от остальных щенков: старше на две недели, сильнее и с пятнами на плечах и шее, которые впоследствии превратились в темную гриву.

Темногривый малыш не мог удачнее выбрать приемную мать: Желтая Волчица была не только хорошей охотницей, с хитроумными уловками в запасе, но и не чуждалась современных веяний. Старые трюки — как заманить в ловушку луговую собачку, загнать антилопу, подрезать поджилки дикой лошади и атаковать быка — она выучила отчасти благодаря инстинктам, отчасти по примеру старших сородичей, когда они на зиму сбивались в стаи. Но новое время требует новых знаний, так что волчица усвоила, что у людей есть ружья, от которых нет спасения, и единственный способ избежать опасности — держаться подальше, пока не сядет солнце, пока в темноте они не станут безвредными. Она прекрасно знала, что такое капканы, без сомнения, ей пришлось побывать в одном из них, и хотя, освобождаясь, она потеряла палец, ей повезло: это был тот палец, без которого легко можно обойтись. С тех пор, даже не понимая устройства капканов, она прониклась ужасом перед ними и самой идеей опасности железа, необходимости избегать его любой ценой.

Однажды, когда она и пятеро других волков собирались напасть на овчарню, волчица остановилась в последнюю минуту, заметив натянутую проволоку. Остальные же бросились вперед, стремясь добраться до овец, и попали в смертельную западню.

Так волчица узнала новую опасность и, хотя у нее вряд ли было четкое представление о ней, приобрела разумное недоверие ко всем странным вещам в целом и страх перед теми конкретными, от которых ее уберегла постоянная осторожность. Каждый год волчица успешно выращивала щенков, увеличивая в округе число волков желтой масти. Она хорошо изучила ружья, капканы, людей и тех новых животных, которых они привели, но впереди волчицу ждал еще один урок — самый ужасный.

Когда братьям Темногривого сравнялось около месяца, их мать вернулась в логово в странном состоянии. Ее ноги дрожали, изо рта шла пена, и, охваченная судорогой, она упала у входа, но, оправившись, все же вошла внутрь. Челюсти волчицы мелко тряслись, а зубы слегка стучали, когда она пыталась облизать малышом. Чтобы не укусить их, она вцепилась в свою переднюю лапу, но постепенно успокоилась и затихла. Щенки, от страха забившиеся в дальний карман пещеры, вновь подошли к ней и столпились вокруг, ища привычной еды. Волчица поправилась, но два или три дня она была очень больна, и эти дни, пока яд находился в ее организме, стали катастрофой для выводка. Щенки ужасно страдали, лишь сильнейшему удалось выжить, и когда это испытание закончилось, в логове остался только один, самый старший щенок с темными отметинами — тот, которого она усыновила. Так малыш Темногривый стал единственным, о ком заботилась волчица, все ее силы были направлены на его выкармливание, и он рос как на дрожжах.

Волки быстро учатся определенным вещам. Обоняние развито у них лучше всего, и с тех пор обоим, мать и щенок, мгновенно охватывало необъяснимое чувство страха и ненависти, стоило им вдохнуть запах стрихнина.

IV. ОСНОВЫ ВОСПИТАНИЯ ВОЛКА

Питаясь за семерых, волчонок не мог не расти и, когда начал осенью выходить вместе с матерью на охоту, был уже одного с ней роста. В это время им пришлось сменить место обитания, поскольку в округе подросло много волчат. Гору Сентинел, скалистый оплот среди равнин, заняли большие и сильные, а слабым пришлось уйти, и вместе с ними ушли Желтая Волчица и щенок Темногривый.

У волков нет такого же языка, как у людей. Их словарь, вероятно, ограничивается дюжиной видов воя, лая и рычания, передающих простейшие эмоции, но у них есть другие возможности доносить свои мысли и один особенный способ распространения информации — волчий телефон. По всему ареалу их обитания разбросан ряд общепризнанных «телефонных станций». Иногда это камни, иногда угол на пересечении троп, иногда череп бизона — подойдет любой заметный объект на главном охотничьем пути. Волк «звонит» здесь так же, как собака у телеграфного столба или мускусная крыса у отдельных кочек, — оставляя свой запах и выясняя, кто недавно был здесь и делал то же самое. Он узнает, откуда и куда они шли, охотились или нет, в каком они состоянии — голодные, или сытые, или же больные. Благодаря этой системе волк знает, где найти друзей, а где

врагов. И, следуя за Желтой Волчицей, Темногривый запоминал места и использовал многие сигнальные станции, хотя приемная мать не учила его этому специально. Личный пример и врожденные инстинкты были основой его обучения, но как минимум однажды волчица повела себя так же, как человеческие родители, стремящиеся защитить ребенка от опасности.

Темногривый щенок усваивал основы волчьей жизни: чтобы победить собак, надо бежать и сражаться на бегу, не вцепляться в них мертвой хваткой, но кусать, кусать, кусать, не прерывая движения, и уводить на изрезанную оврагами землю, где не смогут пройти лошади со своими всадниками.

Он научился не обращать внимания на койотов, следующих за охотящимися волками в надежде поживиться объедками: их не поймать и они безобидны.

Он узнал, что не стоит тратить время, бросаясь на приземляющихся птиц; что лучше держаться подальше от маленького черно-белого животного с пушистым хвостом: оно не слишком приятно на вкус и очень, *очень* плохо пахнет².

² Американскому читателю не требовалось объяснять, что это скунс.

Яд! О, он никогда не забудет этот запах, с того самого дня, когда в логове не осталось никого из его сводных братьев.

Теперь он знал, что, атакуя овец, первым делом нужно разделить их: одинокая овца глупа и становится легкой добычей; а чтобы согнать с места стадо коров, надо напугать теленка.

Он научился тому, что на быков следует нападать сзади, на овцу спереди, а на лошадь посередине, то есть сбоку, и никогда, никогда не нападать на человека, даже не приближаться к нему. И ко всему этому прибавился еще один урок: мать сознательно научила его остерегаться скрытой опасности.

V. Урок о капканах

Теленок умер через некоторое время после клеймения, состоявшегося две недели назад, и теперь, с волчьей точки зрения, был идеален на вкус — не слишком свежий, не слишком перезревший; запах разнес информацию об этом далеко вокруг. Желтая Волчица и Темногривый получили весть о телятине, отправившись на поиски ужина, и побежали вслед за ветром. Теленок лежал на открытом пространстве, на равнине, залитой лунным светом. Собака подбежала бы прямо к туше, волк в старые времена, возможно,

поступил бы так же, но непрекращающаяся война привила Желтой Волчице привычку к осторожности, она не доверяла никому, кроме собственного носа, и потому замедлила шаг. Подойдя ближе, она остановилась и втянула воздух, подвергая его тщательному химическому анализу. Она досконально проверила его, выдохнула, прочищая все мембраны, и вдохнула снова, и отчет ее верных ноздрей был однозначен. В первую очередь — запах тельца, насыщенный и резкий, семьдесят процентов; запах травы, древесины, жуков, деревьев, цветов, песка и других неинтересных мелочей, пятнадцать процентов; запах щенка и ее собственный, приятный, но не имеющий значения, десять процентов; запах человеческих следов, два процента; запах табака, один процент; запах пропитанной потом кожи, один процент; запах человеческого тела (не всегда различимый), полпроцента; запах железа, мизерное количество.

Волчица слегка наклонилась, пригнувшись из всех сил, и волчонок повторил это за ней. Она отступила назад — он остался стоять. Волчица издала низкий вой, и волчонок против воли пошел за ней. Она обошла соблазнительную тушу по кругу и обнаружила новый запах — следов койота, а затем и запах самих койотов. Да, они были здесь, крались вдоль ближайшей горной гряды. И теперь,

когда волчица перешла на другую сторону, воздух изменился: из него почти исчез запах теленка, вместо него остались разнообразные обычные и неинтересные запахи. Запах человеческих следов остался прежним, пропал запах кожи, но доля запаха железа выросла до половины процента, а человеческого тела — почти до двух.

Исполненная тревоги, волчица передала этот страх и щенку — своей напряженной позой, настойчивым исследованием воздуха и слегка ошестинившейся гривой.

Она продолжила свой обход. В какой-то момент на возвышенности запах человека стал вдвое сильнее, но исчез, стоило лишь спуститься. Затем ветер принес сильный запах теленка со следами койотов и нескольких птиц. Ее подозрительность уменьшалась, пока она приближалась к соблазнительному деликатесу с наветренной стороны, обходя его по малому кругу. Она даже сделала к нему несколько шагов, когда запах пропитанной потом кожи ударил ей в нос, переплетенный с запахом железа и табака, как нити пестрой пряжи. Сосредоточившись на них, она приблизилась к теленку на расстояние двух прыжков. Здесь, совсем рядом с тушей, на земле лежал клочок кожи, свидетельствующий о присутствии человека, и теперь запах железа и табака, вплетающийся в аромат теленка, казался

змеиным следом, пересекающим тропу, по которой прошло целое стадо. Он был таким слабым, что щенок, ведомый голодом и нетерпением молодости, толкнул мать в плечо, призывая поскорее приступить к трапезе. Волчица схватила его за шею и отбросила назад. Камень, который щенок при этом задел, покатился вперед и остановился со странным щелчком. В тот же миг запах опасности стал сильнее, и Желтая Волчица отступила от легкой добычи, а щенок неохотно отправился следом.

С грустью оглянувшись на теленка, он заметил койотов, подходящих ближе, — они больше беспокоились о том, чтобы не наткнуться на волков. Щенок наблюдал, как они осторожно пробираются вперед, — по сравнению с тем, как подкрадывалась мать, это казалось необдуманной спешкой. Запах теленка раскрылся во всем своем изысканном великолепии, когда койоты начали рвать его на части, — и тогда же послышался резкий звон и визг одного из них. В то же мгновение ночную тишину разорвали рев и вспышка пламени. Град выстрелов накрыл и теленка, и койотов. Визжа, как раненые собаки, последние бросились прочь — за исключением одного, убитого, и второго, попавшего в капкан, поставленный неумолимыми охотниками. Ненавистные запахи стали теперь вдвое сильнее, и

к ним прибавились те, что внушали ужас. Желтая Волчица скользнула в низину, уводя за собой щенка, но, убегая, они видели, как с той возвышенности, где нос волчицы предупредил ее о человеке, спрыгнул охотник. Он добил поповшегося койота и снова взвел капкан.

VI. Желтая Волчица обманывается

Жизнь — жестокая игра, можно побеждать десятки тысяч раз, но, проиграв лишь однажды, теряешь все. Как много сотен раз Желтая Волчица избегала капканов, сколь многих щенков она научила делать то же самое! Из всех опасностей в своей жизни она лучше всего изучила капканы.

Пришел октябрь. Щенок был теперь намного выше приемной матери. Охотник видел их один раз: желтого волка, за которым следовал еще один, чьи длинные заплетающиеся лапы, мягкие стопы, тонкая шея и тощий хвост выдавали в нем переярка. Следы в пыли и на песке утверждали, что старший волк потерял палец на передней правой лапе, а младший отличался гигантскими размерами.

Это был тот самый охотник, придумавший, как использовать павшего теленка, и весьма разочарованный тем, что в его ловушку вместо волков попались койоты. Начинался сезон капканов, ведь в эти месяцы мех ценился особенно

высоко. Молодые охотники часто кладут приманку прямо в капкан, но опытные никогда так не делают. Хороший охотник ставит капкан в десяти или двадцати футах от приманки, но в таком месте, где скорее всего пройдет волк, обходя ее по кругу. Излюбленный метод охотников — разместить три или четыре капкана на открытом пространстве и разбросать несколько кусков мяса в центре. Прежде чем разместить капканы в укромных местах, их окуривают, чтобы скрыть запах рук и железа. Иногда в качестве приманки используют кусочки хлопка или пучки перьев, которые привлекают внимание волка, разжигают его любопытство, заставляя кружить по предательской смертоносной территории. Хороший охотник все время меняет приемы, чтобы их не смогли выучить волки. Единственное, что может их спасти, — постоянная осторожность и подозрительность к тем запахам, о которых известно, что они исходят от людей.

Вооружившись крепчайшими стальными капканами, охотник начал свой осенний сезон в Тополином каньоне.

Старая бизонья тропа, пересекающая реку, шла по небольшой лощине и затем уходила выше в холмы. Все животные использовали эти тропы: лисы и волки наравне с коровами и оленями, это были основные пути сообщения. Недалеко от того места, где тропа терялась в песке, стоял пенёк

тополя, и волчьи метки на нем сообщили охотнику, что он активно используется для связи между волками. Это было отличное место для капканов: не на самой тропе, ведь по ней постоянно бродил скот, но в двадцати ярдах от нее, на ровном песчаном клочке земли. Здесь, на площади в двенадцать футов, охотник установил четыре капкана. Возле каждого из них он разбросал пару-тройку кусков мяса; три или четыре белых пера на траве в центре довершили картину. Ни человеческий глаз, ни нос животного не распознали бы притаившуюся в песчаной почве опасность, после того как солнце, ветер и песок скрыли все следы человека.

Тысячи раз до этого Желтая Волчица видела и обходила такие ловушки, и тому же она научила своего огромного сына.

В жаркий день коровы пришли на водопой. Они спустились по тропе так же, как когда-то бизоны. Крошечные пичужки порхали вокруг них, трупиалы, недаром называемые «воловьими птицами», восседали на их спинах, луговые собачки тьякали на них, как раньше тьякали на бизонов.

Торжественно и целеустремленно, с каждым шагом, исполненным важности, коровы шли мимо зелено-серых холмов с серо-зелеными камнями. Озорные телята, игравшие рядом с тропой, притихли и стали держаться ближе к матерям, войдя в долину реки. Старая корова, возглавлявшая

процессию, с подозрением приняхалась, проходя мимо расставленных капканов, но они были слишком далеко, иначе она принялась бы бушевать и бить копытом по окровавленным кускам говядины, пока все капканы не были бы обезврежены.

Но она направилась к реке. Напившись, коровы улеглись на берегу и пробыли там до позднего вечера, пока внутренний зов не поднял их, заставляя отправиться в обратный путь на щедрые пастбища, чтобы поужинать.

Одна или две маленькие птички клевали куски мяса, несколько мясных мух жужжали над ними, но солнце, уходя за горизонт, освещало nepотревоженную песчаную ловушку.

На закате, когда солнце окрасило небо в яркие цвета, коричневый полевой лунь взлетел над рекой. Трупиапы бросились в заросли, легко избежав его неуклюжих когтей. Было еще слишком рано для мышей, но, когда лунь пронесся над землей, его зоркие глаза заметили пучки перьев в ловушке, и он развернулся. Еще не подлетев ближе, он уже понял, что перья — пустая трата времени, но затем обнаружил куски мяса. Бесхитростный и простодушный, лунь опустился на землю; он заглатывал уже второй кусок мяса, когда песок взметнулся, капкан с громким лязгом захлопнулся на его ногах и лунь отчаянно забился в его мощных

челюстях. Его ранило не слишком сильно. Время от времени лунь хлопал крыльями, пытаясь освободиться, но он был беспомощен, как воробей, попавшийся в крысоловку. Заходящее солнце ярко вспыхнуло на горизонте, в последний раз расцветивая небо всеми оттенками красного, и умерло, как оно умирает, лишь пламенея на западе; густая тень легла на исполненную драматизма сцену — мышь в слоновьей ловушке. И тогда с вершины холма раздался глубокий насыщенный вой, которому вторил другой, не слишком долгий, единичный; оба скорее инстинктивные, чем рожденные необходимостью. Первый — зов обычного волка, ответ — очень большого черного, переключка не пары, но матери и сына: Желтой Волчицы и Темногривого. Они рысью спустились по бизоньей тропе, ненадолго остановились у «телефонной будки» на вершине холма, затем еще раз — у старого тополиного пня; они уже направлялись к реке, когда лунь в капкане забил крыльями. Волчица повернулась к нему — раненая птица на земле, еще бы! — и бросилась вперед. Солнце и песок скрыли все следы, все подозрительные запахи, нечему было предупредить ее. Волчица прыгнула на бьющуюся птицу и, резко сомкнув челюсти, прекратила ее мучения, однако ужасный звук — скрежет зубов по металлу — возвестил об опасности. Волчица оставила луня и

прыгнула прочь с опасной земли, но приземлилась прямо во второй капкан. Высоко на ее лапе сжались смертоносные челюсти; волчица изо всех сил бросилась наутек, но попала передней лапой в стальные зубы еще одного затаившегося капкана. Никогда она не встречала столь соблазнительной ловушки. Никогда не была столь беспечна. Никогда не попадалась так основательно. Ярость и страх переполнили сердце старой волчицы, она рвалась и металась, с рычанием грызла цепи, и пена шла у нее изо рта. Из одного капкана она еще смогла бы вырваться, но не из двух. Отчаянные попытки освободиться приводили лишь к тому, что безжалостные челюсти крепче впивались в ее лапы. Волчица бешено щелкала зубами; она разорвала в клочья мертвого луня, и ее отрывистое хриплое рычание было полно безумия. Она кусала капканы, щенка, себя саму. Она разодрала лапы, угодившие в капканы, в бешенстве грызла свой бок и в неистовстве откусила собственный хвост. Она обломала все зубы о сталь, и ее покрытые кровавой пеной челюсти заполнились песком и глиной.

Она билась, пока не упала, и то корчилась от боли, то лежала как мертвая, а набравшись сил, поднялась и вновь попыталась перегрызть цепи.

Так прошла вся ночь.

Что же Темногривый? Где он был?

Он снова чувствовал себя как в тот день, когда его приемная мать вернулась домой отравленная, но теперь боялся ее еще сильнее. Она казалась одержимой боевой яростью. Темногривый держался в стороне и слегка поскуливал; он пятился и возвращался, когда волчица лежала без сил, только чтобы опять отступить, когда она вскакивала, рыча на него, а потом возвращалась к бесплодным попыткам избавиться от капканов. Он не понимал, что произошло, но знал: волчица в большой беде и, похоже, по той же причине, которая отпугнула их в ту ночь, когда они рискнули подойти к теленку.

Всю ночь Темногривый бродил вокруг, боясь приближаться к приемной матери, не зная, что делать, такой же беспомощный, как и она.

На рассвете следующего дня пастух, искавший потерявшуюся овцу, увидел волчицу с холма неподалеку. При помощи сигнального зеркала он призвал охотника из его лагеря. Темногривый столкнулся с новой опасностью. Всего лишь щенок, хоть и очень крупный, он не мог выстоять против человека и убежал при его появлении.

Охотник подъехал к несчастной израненной, истекающей кровью волчице в ловушке, поднял винтовку и прекратил ее страдания.

Изучив следы вокруг и припомнив те, которые встречал раньше, охотник догадался, что это была

волчица с огромным щенком — волчица горы Сентинел.

Убегая в укрытие, Темногривый услышал выстрел. Вряд ли он понял, что это означало, но больше никогда не видел свою добрую старую приемную мать. С этого момента он оказался один в целом мире.

VII. Молодой волк завоевывает место под солнцем и славой

Без сомнения, инстинкт — первый и лучший учитель для волка, но одаренные родители дают ему большую фору в жизни. Мать темногривого щенка была на редкость искусна, и он мудро воспользовался этим преимуществом. Темногривый унаследовал острый нюх и полностью доверял его предостережениям. Людям сложно понять всю силу чутких ноздрей. Серый волк вдыхает утренний ветер, как человек просматривает газеты, чтобы узнать все последние новости. Он может провести носом над землей и за мгновение выяснить все о каждом живом существе, проходившем здесь за последние несколько часов. Его нос даже расскажет, каким путем оно бежало, откуда пришло и куда направлялось, одним словом, даст полный отчет о каждом животном, недавно пересекавшем тропу.

Темногривый в совершенстве владел этим искусством; любой, кто понимает в таких вещах, мог бы сказать это, глядя на его широкий мокрый нос. Вдобавок Темногривый отличался мощным телосложением, выносливостью и, наконец, рано выучился не доверять ничему странному. Робость,

осторожность или подозрительность — называйте это качество как угодно, но оно представляло бóльшую ценность, чем весь его ум. Эта осторожность и физическая сила привели его к успеху в жизни. Среди волков правят сильнейшие, и Темногривого с матерью прогнали с горы Сентинел. Но эта земля была прекрасна, и Темногривого все время тянуло к родной горе. Его появление возмутило пару больших матерых волков. Они прогоняли его снова и снова, но каждый раз, возвращаясь, он мог выстоять против них все дольше. Прежде чем ему исполнилось полтора года, Темногривый победил всех соперников и вновь утвердился на родной земле, где жил под защитой скал, как барон-разбойник, собирая дань с богатых земель вокруг.

Охотник Райдер часто промышлял в этой местности, и вскоре он наткнулся на отпечаток лапы в пять с половиной дюймов длиной — след гигантского волка. По грубым прикидкам, на каждый дюйм отпечатка лапы в норме приходится по двадцать-двадцать пять фунтов веса и шесть дюймов роста; таким образом, этот волк достигал тридцати трех дюймов в холке и весил около ста сорока фунтов; безусловно, столь крупного волка охотник еще не встречал. Кинг жил раньше в Козьей деревне, и теперь он воскликнул на привычном с детства наречии: «Смотри-ка, не

старина ли это Билли?³» Так, весьма тривиально, Темногривый стал для своего заклятого врага Билли Бэдлэндсом.

Райдер хорошо знал волчий зов: долгий ровный вой, но у Билли была исключительная особенность — плавность, которую невозможно не узнать. Райдер слышал такой вой прежде, в Тополином каньоне, и когда он наконец увидел огромного волка с темной гривой, то был поражен мыслью, что это отпрыск той самой старой желтой фурии, угодившей в его ловушку.

Он рассказал мне об этом среди прочего, когда мы сидели у костра. Я узнал о прежних временах, когда любой мог поймать или отравить волка, и о том, как они закончились вместе с простодушными волками; о новом поколении хитроумных волков, способных обойти любые ухищрения скотоводов и неуклонно продолжавших плодиться. Теперь охотник говорил мне о многочисленных авантюрах, которые затевал Пенроф с разными породами собак; о фоксхаундах, гончих для лисьей охоты, быстрых и чуткистых, но слишком уязвимых, чтобы драться с волком; о

³ В англоязычном просторечии «Билли» означает «козел», причем, как правило, с оттенком «козлище»: взрослый, большой и драчливый.

борзых, которые становятся бесполезными, потеряв преследуемое животное из виду; о датских догах, слишком неуклюжих для пересеченной местности; и наконец, о смешанной своре, включавшей все породы, иногда даже отважных бультерьеров, которые возглавляли ее в финальном сражении.

Охотник рассказывал об облавах на койотов, обычно успешных, поскольку койоты бежали на равнины и борзые легко их ловили. О том, как с этой самой сворой были убиты несколько мелких серых волков, хотя обычно это стоило жизни возглавлявшей ее собаке; но особенно подробно он задержался на рассказе о невероятной доблести «этого проклятого Черного Волка с горы Сентинел», о многочисленных попытках убить его или загнать в угол — нескончаемой череде неудач. Ибо огромный волк с раздражающим постоянством продолжал питаться лучшим скотом, носившим клеймо Пенрофа, и каждый год обучал все больше волков совершенно безнаказанно заниматься тем же самым.

Я слушал так же, как золотоискатели слушают рассказы о сокровищах, ведь это была моя жизнь. Это было то, что владело нашими умами, поскольку свора Пенрофа лежала вокруг нашего костра. Мы охотились на Билли Бэдлэндса.

VIII. Голос в ночи и гигантский след поутру

В одну из сентябрьских ночей, когда на западе исчезла последняя полоса света и койоты завели свою визгливую песню, раздался глубокий нарастающий вой. Кинг вынул трубку изо рта, повернул голову и сказал: «Это он, старина Билли. Он наблюдал за нами весь день с холма и теперь, когда ружья стали бесполезны, явился, чтобы позабавиться с нами».

Два или три пса вскочили, оцетинившись, — они явно поняли, что это не койот. Собаки бросились в темноту, но далеко не ушли: их боевые возгласы внезапно сменились громким визгом, и они прибежали обратно к спасительному огню. У одной было так разорвано плечо, что она больше не могла участвовать в охоте. У другой рана появилась на боку и казалась менее серьезной, и все же на следующее утро охотники похоронили эту собаку.

Мужчины были в ярости. Они поклялись отомстить как можно быстрее и на рассвете отправились по следу. Койоты тьякали вокруг, пока светало, но, когда солнце взошло, растворились среди холмов. Охотники искали след большого волка в надежде, что собаки смогут взять его и найти самого зверя, но те либо не могли, либо не хотели.

Однако они нашли койота и, гнавшись за ним всего несколько сотен ярдов, убили его. Я полагаю, это была победа, ведь койоты нападают на телят и овец, и все же почему-то я чувствовал, о чем думают остальные: «Такие сильные и храбрые собаки одолели мелкого койота, но не смогли справиться с большим волком прошлой ночью».

Молодой Пенроф, словно отвечая на незаданный вопрос, предположил:

— Эй, ребята, я думаю, со стариной Билли вчера была целая куча волков.

— Не видать тут других следов, — мрачно ответил Кинг.

Весь октябрь прошел в бесконечных погонях: целыми днями мы без устали скакали верхом, следуя по сомнительным следам за собаками, которые то ли не могли, то ли боялись взять их; снова и снова до нас доходили вести о зарезанных волком коровах. Иногда об этом рассказывали ковбои, иногда мы сами находили трупы. Некоторые из них мы отравили, что считается очень опасным при охоте с собаками. К концу месяца мы превратились в компанию обветренных и отчаявшихся мужчин, с измученными лошадьми, со сворой, в которой из десяти собак осталось семь и у всех были стерты лапы. За все это время мы убили одного желтого волка и трех койотов, а Билли Бэдлэндс загрыз по меньшей мере дюжину

коров и трех собак по цене пятьдесят долларов за голову. Некоторые из ребят решили бросить все и вернуться домой, и Кинг воспользовался этим, чтобы отправить письмо с просьбой о подкреплении, которое должно было включать всех свободных собак на ранчо.

Два дня, пока мы дожидались ответа, лошади отдыхали, а сами мы резались в карты и готовились к еще более суровой охоте. На исходе второго дня прибыли новые собаки — восемь красавиц, — и теперь в своре их было пятнадцать.

Заметно похолодало, а утром, к радости охотников, земля стала белой от снега. Без сомнения, это предвещало успех. У большого волка не осталось ни единого шанса ускользнуть: ведь в холодную погоду легче и собакам, и лошадям, и волк находился где-то рядом — мы слышали его прошлой ночью, — и на снегу так хорошо видны следы, что, однажды найдя их, мы больше не собьемся с пути.

Мы встали на рассвете, но, прежде чем успели выехать, в лагерь прискакали трое мужчин. Это вернулись парни Пенрофа. Изменившаяся погода заставила их передумать: они знали, что благодаря снегу нам может улыбнуться удача.

— Запомните, — сказал Кинг, — в этот раз мы охотимся только на Билли Бэдлэндса. Достанем

его — и сможем разобраться со всей их бандой. Мы идем по следу в пять с половиной дюймов длиной.

И каждый отметил на руке или на перчатке расстояние точно в пять с половиной дюймов, чтобы измерять найденные следы.

Меньше чем через час мы получили сигнал от всадника, уехавшего на запад. Один выстрел, означающий «Внимание!», затем пауза, в течение которой можно было досчитать до десяти, и еще два выстрела: «Вперед!»

Собрав собак, Кинг поскакал прямо к далекой фигуре на холме. Наши сердца преисполнились надеждой — и мы не были разочарованы. Мы уже находили следы мелких волков, но здесь наконец отыскались отпечатки почти шести дюймов в длину. Пенроф-младший в восторге хотел закричать и послать лошадь в галоп: словно мы охотились на льва, словно нашли долгожданное счастье. Нет ничего более вдохновляющего для охотника, чем четкая линия свежих следов, ведущая к великолепному животному, которое он так долго безуспешно пытался добыть. Как блестели глаза Кинга, пока он жадно всматривался в следы!

IX. Долгожданная погоня

Эта погоня стала самой тяжелой из всех. Она длилась куда дольше, чем мы ожидали:

нескончаемая цепочка следов повествовала о том, что делал большой волк прошлой ночью, не упуская ни малейшей детали. Здесь он кружил у «телефонной будки», чтобы узнать новости, здесь остановился исследовать старый череп, здесь заосторожничал и обошел по ветру нечто оказавшееся старой консервной банкой, здесь наконец поднялся на небольшой холм и, вероятно, завыл, поскольку два волка пришли к нему с разных сторон и вместе они спустились к реке, где скот обычно скрывается от непогоды. Здесь все трое отметились у бизоньего черепа, здесь бежали, выстроившись в линию, и вот тут разделились, отправившись в разные стороны, чтобы встретиться... ох, да, вот здесь. Что за печальное зрелище: великолепная корова зарезана и брошена, но даже не тронута. Не по вкусу им пришлось, представьте себе! В миле от нее — еще одна, убитая ими же. Волки пиروвали не больше шести часов назад. Затем их следы вновь разошлись, но недалеко, и на снегу было отчетливо видно, где каждый улегся спать. Гончие ощетинились, обнюхав эти места. Собаки безоговорочно подчинялись Кингу, но сейчас они сильно разволновались. Мы поднялись на холм, где, судя по следам, волки повернули нам навстречу, а затем помчались на полной скорости — так что теперь

стало ясно: они наблюдали за нами с холма и не успели уйти далеко.

Свора держалась вместе, борзые, пока не видя жертвы, просто слонялись среди других собак или бежали рядом с лошадьми. Мы торопились, как могли, ведь волки мчались с невероятной скоростью. Вверх, в холмы, вниз, в ущелья — мы скакали, держась ближе к собакам, и местности пересеченнее нельзя было найти. Один овраг за другим, час за часом тройной след вел нас за собой, и еще час прошел без изменений: мы бесконечно поднимались и спускались, продираясь через кустарник, по камням, ведомые далеким собачьим лаем.

Наконец погоня привела нас в низину, к реке, где почти не было снега. С трудом пробираясь вниз с холмов, безрассудно перескакивая через опасные овраги и скользкие скалы, мы поняли, что не выдержим больше, когда внизу, на иссушенной равнине свора распалась: часть собак побежала выше, часть ниже, часть — прямо. О, как ругался Кинг! Он сразу понял, что это значит. Волки разделились и разделили свору. У трех собак не было шансов против волка, четыре не смогут убить его, двоих он убьет сам. И все же это был первый вдохновляющий знак, который мы увидели, поскольку это означало, что и волкам приходится нелегко. Мы пришпорили лошадей, чтобы

остановить собак и выбрать для них один след. Но это оказалось непросто. Без снега и со множеством собачьих следов вокруг мы оказались сбиты с толку. Все, что мы могли сделать, — позволить собакам выбрать самим, но не дать им разделиться. Мы сразу же вновь отправились в путь, но все же опасались, что мы на ложном пути. Собаки бежали охотно, очень быстро. И это был плохой знак, как сказал Кинг, но мы не могли сами увидеть след, поскольку собаки затаптывали его прежде, чем мы их нагоняли.

Спустя две мили погоня вновь привела нас наверх, к заснеженным местам, волк оказался в поле зрения, но, к нашей ярости, выяснилось, что мы шли по следу самого мелкого.

— Я так и думал! — взревел юный Пенроф. — Слишком рьяно все собаки шли по следу, чтобы это было что-то серьезное. Удивительно, что это вообще не заяц!

Меньше чем через милю мы загнали волка в ивовую рощу. Мы услышали, как он издал долгий вой, зовя на помощь, и, прежде чем мы успели приблизиться, Кинг увидел, как собаки отскочили и бросились врассыпную. Минуту спустя из дальней стороны рощи выбежал маленький серый волк, а затем еще один — черный, куда большего размера.

— Ей-богу, он позвал на помощь, и Билли вернулся, чтобы спасти его, отлично! — воскликнул охотник.

И я почувствовал симпатию к храброму старому волку, отказавшемуся спастись, оставив друга в беде.

Следующий час мы вновь скакали по крутым оврагам, но теперь выше, там, где земля была покрыта снегом, так что, когда стая опять раскололась, мы приложили все силы и сумели удержать их на большом «пяти-с-половиной-дюймовом следе», который теперь имел для меня некоторый налет романтики.

Очевидно, собаки предпочли бы любой другой след, но мы в конце концов заставили их идти по нему. Еще полчаса тяжелой погони — и, поднявшись на широкую плоскую равнину, я впервые увидел далеко впереди большого черного волка горы Сентинел.

— Ура! Билли Бэдлэндс! Ура! Билли Бэдлэндс! — воскликнул я, и остальные подхватили мой крик.

Наконец-то мы сами шли по его следу. Собаки присоединились к нам с громким лаем, борзые, повизгивая, бросились прямо к волку, и лошади зафыркали и поскакали смелее, поддавшись всеобщему волнению. Единственным, кто сохранял молчание, был темногривый волк, и, оценив его

размер и силу, а более всего длинные массивные челюсти, я понял, почему собаки предпочли пойти по другому следу.

Волк бежал по снегу, низко опустив голову и хвост. Язык у него свешивался почти до земли, волку, очевидно, приходилось тяжело. Охотники выхватили револьверы, хотя расстояние до зверя составляло ярдов триста; это была не просто охота — они жаждали крови. Но мгновением позже волк исчез, скрывшись в ближайшем каньоне.

Каким путем он теперь пойдет? Вверх по каньону или вниз? Наверху была его гора, но внизу проще спрятаться. Мы с Кингом решили, что он пойдет вверх, и отправились на запад, вдоль хребта.

Но остальные помчались на восток, надеясь подстрелить его там.

Вскоре мы ускакали так далеко, что перестали их слышать. Мы ошиблись — волк направился вниз, но мы не услышали стрельбы. В этом месте каньон можно было пересечь; мы добрались до другой стороны и повернули назад, пустив лошадей галопом. Мы вглядывались в снег в поисках следа, а также в холмы, ища движущийся силуэт, прислушивались, не донесет ли ветер какой-нибудь звук.

«Скрип-скрип», — говорили наши седла, «пфф-пфф» — наши лошади и «цок-цок» — их копыта.

Х. Когда Билли вернулся на свою гору

Мы возвратились к тому месту, где упустили волка, но не увидели никаких следов. Легким галопом мы проехали около мили на восток и продолжали двигаться, когда Кинг выдохнул: «Посмотри-ка!» Темное пятно двигалось впереди по снегу. Мы прибавили скорости. Появилось еще одно темное пятно, и еще, но они двигались не

слишком быстро. Спустя пять минут, приблизившись, мы обнаружили трех наших борзых. Они упустили волка из виду и потеряли всякий интерес к охоте. Теперь они искали нас. Мы не увидели ни дичи, ни других охотников. Но, поспешив к следующему гребню холма, наткнулись на след, который искали, и двинулись по нему с тем же упорством, как если бы увидели самого волка. Еще один каньон появился у нас на пути, и, когда мы искали место, где его можно было бы пересечь, из его заросшей кустарником глубины донесся исступленный лай гончих. Звук нарастал и двигался к середине.

Мы помчались вдоль края оврага, надеясь увидеть добычу. Собаки появились на противоположной стороне, но не кучей, а вытянувшись в длинную беспорядочную линию. Спустя пять минут они поднялись на край и стало видно, что впереди мчится огромный черный волк. Он, как и прежде, бежал вприпрыжку, опустив голову и хвост. Сила сквозила в каждом движении его лап, челюсти и шея казались вдвое мощнее, чем у обычных волков, но мне почудилось, что его прыжки стали меньше и потеряли в скорости. Собаки медленно поднялись на высокий край и, увидев волка, слабо завыли — они тоже были почти на пределе. Увидев добычу, борзые оставили нас, бросились вниз по каньону и вверх на

противоположную сторону, с той стремительной скоростью, которая могла стать губительной для них. Мы тем временем тщетно искали способ пересечь каньон.

Как неистовствовал охотник, видя свору приближающейся к развязке погони, покуда сам он застрял позади! Но он ехал, проклинал все на свете и все же ехал, тяжело, по неровной земле, вверх, к тому месту, где каньон сужался. Когда мы поравнялись с большим плоскогорьем, с юга вновь донесся слабый лай своры, затем, немного громче, — со стороны высокого холма. Мы остановились на холме и осмотрели снег. Появилось движущееся пятнышко, затем еще одно, не вместе, а в беспорядке друг за другом, и временами слышался далекий слабый лай. Они направлялись к нам и приближались, о да! Приближались, но очень медленно, поскольку никто уже не мог бежать. Впереди ковылял мрачный матерый убийца коров, а далеко позади — борзая, за ней еще одна, дальше — остальные собаки, кто быстрее, кто медленнее, еле идущие, но стойко продолжающие погоню. Долгие часы тяжелой работы взяли свое. Волк тщетно пытался отделаться от собак. Пробил его час: он был истощен, а у них еще оставались силы. Через некоторое время они оказались прямо напротив нас и поползли, оскальзываясь, по склону горы.

Мы не могли присоединиться к ним, так что смотрели, жадно пожирая их глазами и затаив дыхание. Теперь они были ближе, ветер доносил слабые отзвуки лая. Волк повернулся к крутому склону, к пути, который, казалось, хорошо был ему знаком, — он ни разу не оступился. Я сочувствовал ему всем сердцем — ведь волк вернулся, чтобы спасти своего друга, и на мгновение мы с охотником ощутили жалость, глядя, как волк оглядывается и с усилием поднимается по наклонной тропе, чтобы встретить смерть на своей горе. Ему некуда было бежать: его окружали пятнадцать собак, и люди были неподалеку. Волк уже не шел, а брел, пошатываясь, вверх. Собаки, выстроившись в линию, шли за ним по пятам, подходя все ближе. Мы могли слышать их тяжелое дыхание, но не лай — на него у собак уже не хватало сил. Мрачная процессия поднималась вверх по уступу, который сужался, обходя по кругу вершину горы, а затем спустилась на несколько ярдов, на нависающий над каньоном выступ. Собаки, идущие первыми, были бесстрашны, поскольку видели, что их враг совсем выбился из сил.

Здесь, в самом узком месте, где любой неверный шаг мог привести к смерти, огромный волк развернулся и встретился с ними лицом к лицу. Припав на передние лапы, опустив голову и

слегка приподняв хвост, он оцетинил гриву, обнажил клыки, но не издал ни единого звука, который мы могли бы услышать, — так он встретил свору. Его лапы ослабели от долгой погони, но шея, челюсти и сердце оставались сильными, и — сейчас всем, кто любит собак, лучше закрыть книгу, — все до единой пятнадцать собак взлетели вверх и упали вниз. Едва ли человеческий глаз мог различить, что произошло, но, как поток воды льется на скалы, разбрызгиваясь отдельными струями, так поток собак взлетел по тропе в едином порыве, и Темногривый встретил их всех. Слабый прыжок, встречный выпад, ранение — и Грязеплюх потерял опору и рухнул вниз. Дендер и Коали приблизились, попытались схватить волка; стремительный бросок, захват — и они упали с узкой тропы. Синее Пятнышко ⁴ бросился следующим, могучий Оскар и бесстрашный Тидж следом за ним — но волк стоял как скала, и после

⁴ Кличка, кажущаяся странной для собаки, но в Америке тех лет так действительно называли крупных эффектных псов определенной масти: конечно, без синих пятен, а светло-тигровой, с темными полосами на песочном фоне. Дело в том, что «синее пятнышко» — народное название одного из американских махаонов: большой, красивой, очень приметной бабочки. У нее на крыльях есть пара синих пятен, но сами крылья желтые в черную полоску.

короткой схватки он остался один, большие собаки пропали. Остальные приближались, и последние подталкивали первых — вниз, к собственной смерти. Резкий удар, захват — всех до единой собак, от самых быстрых до самых сильных, волк скинул с уступа, и они, кувыряясь, устремились вниз, в зияющую бездну, где острые скалы и обломки стволов довершили дело.

Через пятнадцать секунд все было кончено. Стремительный поток разбился о скалу — вся свора Пенрофа была уничтожена, а Билли Бэдлэндс стоял в гордом одиночестве на своей горе. С минуту он ждал, не появятся ли еще собаки. Никого не осталось, свора была мертва, но, ожидая, он смог перевести дыхание, а затем, впервые за всю эту драматическую сцену, подал голос: он испустил долгий торжествующий вой, отразившийся от стен каньона возле горы Сентинел.

Мы застыли, словно каменные изваяния. Ружья, которые мы держали в руках, были забыты. Все произошло так быстро, так бесповоротно... Мы не двинулись с места, пока волк не исчез. Все это случилось не так далеко: мы пошли пешком, чтобы посмотреть, вдруг кому-то из собак удалось избежать гибели. Но все они были мертвы. Мы ничего не могли сделать — и ничего не могли сказать.

XI. Вой на закате

Неделю спустя мы с Кингом ехали вверх по тропе от Дымовых Труб.

— Старику все это надоело, — сказал Кинг. — Он продал бы ранчо, если бы мог. Не знает, что делать дальше.

Солнце опускалось за горизонт за горой Сентинел. К тому моменту, как мы добрались до поворота на Дюмонт, из речной долины внизу донесся долгий раскатистый вой, подхваченный хором пронзительных завываний. Мы ничего не видели, лишь напряженно прислушивались. Звук повторился — охотничья песня волков. Она затихла, и ночь взрезал другой звук — пронзительный лай с подвыванием, сигнал: «Окружаем!»; послышалось короткое мычание — и тотчас оборвалось.

И, пришпоривая лошадь, Кинг мрачно сказал: «Это он, охотится вместе со стаей, и еще одной корове пришел конец».

Перевод Марии Таировой

Под редакцией Григория Панченко

Леди Леопард

Предысторию этого рассказа можно узнать со слов самого Сетона-Томпсона: «У рассказа «Леди Леопард» очень необычная история. Около пяти лет назад я прочел рассказ о странном приключении в пустыне — о дружбе солдата и леопарда. Он произвел на меня сильное впечатление.

Недавно я пытался найти его, но не смог выяснить ни автора, ни название. Так что я записал его по памяти и назвал «Леди Леопард». Затем, уже закончив свою версию, я вновь нашел ту историю. Это оказался рассказ «Страсть в пустыне» Оноре де Бальзака. Однако мое исполнение имело с ним так мало общего, за исключением основной идеи, что, извинившись перед выдающимся французом, я решил опубликовать собственный вариант».

Добавим лишь: «около пяти лет назад» означает, что это случилось примерно в 1930 г. Причем, хотя Сетон-Томпсон и воздает должное выдающимся заслугам Бальзака, в данном случае ему особенно смущаться нечего. Рассказ «Страсть в пустыне», шестьдесят четвертое по счету произведение в грандиозном цикле «Человеческая комедия», представляет собой часть небольшого подцикла, посвященного солдатской жизни и приключениям на лоне природы. Однако этот подцикл был Бальзаком едва начат — можно

сказать, через силу и почти с отвращением, — и тут же с явным облегчением брошен. Для великого француза «звериная» (впрочем, как и солдатская) тематика была откровенно чуждой, малознакомой и неинтересной. А для Сетона-Томпсона — наоборот!

Эту историю рассказал мне суровый французский солдат. Его обветренное лицо было испещрено морщинами, широкие плечи сгорбились, он хромал, и у него не хватало одной руки. Но в его глазах, в этих зеркалах души, светились мужество и стойкость, которые сделали его идеальным солдатом лет эдак пятьдесят назад. В его манерах сквозили достоинство и простота, и, глядя на его серьезное и доброе лицо, я знал: он говорит правду.

Он был родом из Прованса и встал под знамена Наполеона во время злополучного Египетского похода ⁵. Ему тогда было двадцать два, и по его рассказу я представлял его молодым Адонисом.

А затем я пошел на хитрость. Я заказал шампанское. О, как оно играет на струнах жизни, как развязывает язык и пробуждает арфу памяти!

⁵ В оригинале упоминается Верхний Нил, но у нас в исторических трудах принято название «Египетский поход».

Я не ошибся. И эту историю передаю такой, какой ее услышал.

В то время я был молод и импульсивен и страдал от жестокого разочарования в любви. Поэтому я присоединился к армии, ибо само имя Бонапарта обожали все сильные и храбрые люди. Мы отплыли в страну Сфинкса, и я был немало разочарован, оказавшись под командованием не самого Наполеона, а генерала Дезе, чьей задачей было вторжение в Верхний Египет.

Но арабы Магриба, каждый верхом на быстром скакуне, чувствовавшие себя в пустыне как дома, представляли собой совсем не то, что неторопливые оседлые крестьяне-феллахи, жившие вдоль Нила. Арабы набрасывались на нас в самый неожиданный момент, угоняли наших верблюдов, разоряли наши припасы, пока мы были слабы, а когда мы собирались с силами, чтобы дать отпор, они, словно ветер, уносились прочь на своих пустынных конях, скрываясь в облаках песка и пыли.

Я стоял на посту, когда они явились однажды ночью. Остальные часовые были убиты, а я попал в плен. Арабы увезли меня прочь, привязав к вьючному мулу. И после долгого двухдневного марша без единого шанса на передышку, они остановились в оазисе, где пальмы окружили